

О нашем журнале

Мы спросили некоторых наших профессиональных читателей и опытных коллег, что они думают о нашем журнале. Попросили рассказать, материалы на какие темы они хотели бы прочитать и какие исследования хотели бы заказать ФОМу, будь у них такая возможность. Вот что они ответили...

Татьяна Малкина, главный редактор журнала “Отечественные записки”

И у вас, и у нас, конечно, читатели хорошие в основном. Но много тех, кого не только наш, но и ваш журнал смертельно раздражает, потому что он не предлагает подтверждения уже готовых ответов, которые имеются у людей, или обоснования давно сформировавшихся у них воззрений, а напротив, приводит какие-то данные, которые идут вразрез с этим. Неприятно, не комфортно и не нужно никому...

Нет привычки серьезно думать, и думать объемно, а не скакать за однозначными линейными ответами на вопросы. Это, я считаю, главная проблема, с которой и вы, я уверена, сталкиваетесь, когда воспринимаете реакцию на ваш журнал. Люди с безумным усердием пытаются на всякий вопрос найти ответ желательно из серии “да” или “нет”. В крайнем случае – “не знаю”. А осознания того, что *есть многие вопросы, на которые в принципе нет ответа*, – его нет. И более того, само предположение о принципиальном отсутствии однозначного ответа сразу вызывает чудовищное отторжение. Что значит – нету? Как нету? Самый классический пример такой темы, которую мы уже который год ведем в нашем журнале, – это война в Чечне. Нет же ответа! Или арабо-израильский конфликт – тоже нет же ответа никакого. Он (а) и не найден, (б) его просто, по-видимому, с моей точки зрения, нет. Нет ответа, а это, наверное, вообще что-то универсальное, общечеловеческое. А отсутствие ответа воспринимается читателем как конец света.

...И каково же вам существовать в мире, где люди в общем просвещенные, интеллигентные, читающие и прочее до сих пор считают, что можно сфальсифицировать любые результаты любых выборов любого масштаба? Потому что в эту бредятину, абсолютную бредятину им верить гораздо проще, чем в то, что это на самом деле люди так голосуют.

***

А нам такие читатели говорят: “Вот вы какой хороший сделали двухтомный номер про образование. Но где позиция редакции, где сказано, что министр – сволочь, например?” Во-первых, позиция редакции заключается в том, чтобы максимально полно собрать и обобщить данные, найти всех лучших людей, которые максимально думают на эту тему, у которых есть что сказать, и максимально полно представить все точки зрения. А что министр – сволочь, это, во-первых, надо доказать, во-вторых, так ли это важно для этой проблемы? И вообще, гораздо интереснее обсуждать, важно ли получить образование, что самое главное в проблеме образования, насколько значима эта тема, что в общественном мнении воспринимается в этой связи как острые проблемы. Мы пытались нащупать такие важные важности, а это, как выясняется, какой-то не вполне привычный, не вполне нужный людям способ, что ли.

***

С искусством письма – нелегко. И привычки, ясно подумав, так же ясно изложить свою мысль, нету, и умения особого тоже нет. Так и мечешься

между записными писаками, которые могут написать на любую тему, и людьми, которым есть что сказать, но которые совершенно не умеют и не знают, не привыкли к тому, что когда есть что сказать, надо говорить.

***

Если бы у меня была возможность заказать вам вопросы, исследования... Вопросов-то важных на свете – их же немного: про любовь, про смысл жизни, про счастье. Если попытаться это как-то конкретизировать, то я бы, конечно, сейчас задавала людям, которым посчастливилось жить в эпоху перемен, какие-то вопросы, позволяющие понять вот этот социальный феномен: какие-то люди берут на себя ответственность и контроль за свою жизнь, а какие-то – нет, и от чего это зависит. И действительно ли верно та-

кое наблюдение, что когда они берут на себя эту ответственность, то это не зависит от того, могут они себе это позволить в физическом, бытовом смысле этого слова или не могут. А от чего вот это зависит? Отчего у людей счастье, и каковы условия счастья? Что они думают о своем предназначении в жизни? Зачем они работают? Зачем они живут? Зачем они рожают детей? Чего они хотят для своих детей? Как они пытаются их этому научить? Интересно про человеческое мужество спросить, и про человеческие слабости, и про одиночество, и про, наоборот, совместность.

Очень мало важных вопросов. И все эти важные вопросы потом распадаются собственно на то, о чем вы спрашиваете. Так что вы понимаете, я бы навалила вам работы. ■

Даниил Дондурей, главный редактор журнала “Искусство кино”

Известная особенность нашей социокультурной системы заключается в том, что она невероятно пульсирующая, – как магма, как вулканическая порода. Именно та порода, которая возникает из кратера вулкана, она невероятно подвижна и изменчива. Она быстро меняет верх и низ, меняет формы, стилистику и так далее. Такая неопределенность, изменчивость, даже женственность российской социокультурной системы, мне кажется, существует благодаря тому, что основные очень важные матрицы этой системы невероятно стабильны. Они воспроизводятся сквозь всю динамику исторических, культурных, экономических, психологических и прочих процессов. Это “культурные матрицы” российской аутентичности. Поэтому российскую социальную реальность и не могут никуда вписать теоретики, на многих уровнях они не могут справиться с российской реальностью: и на уровне реального осознания каких-то социокультурных практик, социоэкономических практик. Население не понимает, где оно живет. Политическая власть не понимает, какую систему она создает.

А на самом деле эта система, этот “бензин с песком” – работает. Она каким-то непонятным образом устроена: здесь один сломанный паз по-

трясающе входит в другой, тоже сломанный. То есть, казалось бы, они должны разрушиться, колесико не должно крутиться, – а все-таки оно крутится.

***

“Фишкой” вашего журнала являются те темы, которые по какой-либо причине не то что не оказываются в социологических журналах (это точно, что не оказываются), они даже предметом обсуждения не становятся. Ну, например, очень интересные темы типа: “Практика сожительства в России”. Или “Рынок оккультных услуг”. Или, например, проблемы, связанные с масштабом, значением и технологией взяток. Все болтают про коррумпированную страну – а как это делается? Кто это делает, какие масштабы этого явления? Какова технология этого явления? Как морально оцениваются и дающие, и берущие? Это же тоже настоящая культурная матрица – взятки в России. Воровство и плутовская экономика – абсолютно не исследованный материк, айсберг. С XIX века это у нас потрясающе работает: воровство и непрозрачность любых материально-экономических отношений. Договорные отношения, так сказать. То есть доверие как нарушение закона. Это не доверие в том смысле, что если я тебе

обещал построить дом, то я тебе его построю, – здесь все тоньше. Скажем так, когда ты мне заказывал этот дом – не факт, что ты хотел его построить. Не факт, что ты хотел, чтобы я его достроил. Не факт, что ты хотел, чтобы я это сделал дешевле и правильнее, и т. д. Это целое облако разных функций и отношений, которое окутывало нас, когда мы стали заключать договоры о строительстве дома, – это все значительно, зело хитрее, как говорили в средние века.

***

Если бы у меня была такая возможность, я бы заказал вам, конечно, огромное исследование и цикл статей в каждом номере “Эффективность воровства в России”. “Эффективность непрозрачности”. “Эффективность газпромовости”...

Еще я бы с удовольствием прочитал бы у вас в журнале чудесную статью, в развитие той большой темы: “Бухгалтер как художник. Финансовая отчетность как искусство в России”. Интересно, ужасно интересно. Это ведь невероятное искусство. Ни в одном предприятии России бухгалтерская отчетность не имеет... вернее, имеет отдаленное отношение к реальным процессам.

Это просто произведение искусства. Это же интересно.

Ну, и я бы заказал, конечно же, работу на более очевидную тему: “Обмен власти на деньги и денег на власть”. Практика русских обменов.

***

Я посоветовал бы как старший товарищ по журнальной работе всего две вещи. Первая: надо брать очень оригинальные темы, неожиданные, которые никто не берет в стране. И второе: на какие-то темы, пусть на один материал в месяц, приглашать писателей, а не научных аналитиков, не кандидатов и докторов социологических наук. Это будет ужасно интересно читать. Другой характер, другая личность, другие вербальные миры, другой тезаурус, другая скорость мышления и так далее. То есть вот вы бы, например, условно, поговорили о политических и социальных итогах года с Михаилом Михайловичем Жванецким или хотя бы с Пелевиным, Сорокиным, с какими-то думающими людьми – это был бы бестселлер, горячий пирожок в холодный день. Не хватает других немножко стиливых филологических пластов. Подумайте об этом. ■

Владимир Семенов, ответственный редактор “НГ-сценариев” (“Независимая газета”)

У меня в приложении (“НГ-Сценарии”) я очень часто обращаюсь именно за цифрой с комментариями, потому что наши авторы часто витают в эмпиреях. Но на самом деле меня интересуют, конечно, не цифры – меня интересуют мысли. Социология – это уж явно не проценты сторонников того, считающих сего, а видимо, осмысление этого. А еще больше – не осмысление, к чему это идет, а размышление, отчего это происходит.

***

С какими бы вопросами я пришел, я точно не знаю. Скорее всего, это вопросы о такой сложной судьбе демократии в России. Все традиционные ответы – что это от бедности, от тяжелого наследия – уже, по-моему, не работают. То, что в 90-е годы работало, потом у нас провал, значит дальше – возвращаемся к каким-то теориям сла-

вянофилов, которые тоже говорили, что не нужно это, русский человек для этого слишком хорош. Хорош в душе, конечно, не в поведении, а в потенции – слишком хорош, чтобы заниматься этим лицемерием, которым являются политика, партии и так далее. Именно с философскими вопросами я пришел бы – но не к философам, а к социологам. Потому что к философам – я сам рассуждать вот так на любую тему умею, а вот филолoгствoвание социoлoгa – это, знаете ли...

И есть еще вопрос, который меня очень сильно интересует (я думал, что я знаю на него ответ, а сейчас понял, что не знаю). Может быть, вы мне как-то подскажите, или по крайней мере осветите: *насколько важно для понимания бытия нашего скорбного знать и интересоваться сознанием людей, то есть тем, что у них в головах?* Я понимаю, профессионально социологу поло-

жено думать, что это очень важно. Он просто обязан полагать: для того чтобы понять, что происходит, нам обязательно нужно знать, о чем люди думают и как они представляют мир. Но точно ли это так уж важно?

Больше всего меня волнует то, насколько эти все ответы, вопросы вообще позволяют судить об обществе. Если бы они позволяли судить, то мы могли бы предполагать, что у нас в обществе будет через пять лет. Если бы эти опросы полностью отражали, что в голове у людей, то мы могли бы понять, применив какой-то научный механизм (что-то экстраполировав или хотя бы узнав, как надо экстраполировать), каким будет наше общество.

Видите ли, я так представляю, что есть отдельные личности – а есть общество, какая-то цельность, которое тоже являет собой коллективную, но самоличность. А вот представляют ли эта тысяча семьсот человек, которые опрашиваются и анализируются, какую-то личность или какую-то репрезентативную целостность, хотя она репрезентативна по математическим критериям, – это вопрос. Может быть, это значит, что

к правильной выборке, к правильно заданному вопросу еще нужно какое-то художественное, творческое осмысление.

И еще есть у меня вопрос к социологам. Объясните нам, почему это, если смотреть на ваши данные, получается, что где-то года до 97-го у тех, кто попадал во власть, рейтинг сразу начинал падать? Это даже если не брать хрестоматийный случай Немцова, который за полгода растерял с 30% до улавливаемого минимума... А после, приблизительно с 98-го года, по вашим же ФОМовским данным, вдруг стало так, что кто попадает во власть, у него начинает рейтинг расти.

Первый раз это у нас случилось с Примаковым, но там несколько особый случай; но вот Степашин имел 2%, а через 80 дней, 80 дней он правил у нас, у него уже были заявки на президентский рейтинг...

Вообще, хорошо бы социологам задать вопрос: “Что изменилось?” Я думаю, что это психологический вопрос, еще надо бы психологов сюда пригласить. А вот будет ли этот механизм дальше работать, конкретно? ■

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Так говорил респондент...

– Почему Вы исключаете для себя возможность обратиться за помощью, советом к профессиональному психологу или психотерапевту?

– Я психически здоров, у меня профессия – психолог.

***

– Какой подарок Вы бы подарили В. Путину на день рождения?

– Банку варенья бы передала, но не дойдет.

***

– Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слова “9 мая”?

– Шашлыки, ветераны.

– По Вашему мнению, какие качества, черты характера обычно свойственны “челнокам”?

– Страсть к выживанию.

***

– Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово “Казахстан”?

– Там неуравновешенная обстановка.

***

– Почему Вы считаете, что сегодня Россия развивается в неправильном направлении?

– Я рожден при социализме – за 3 рубля все мог.

– Как Вы понимаете слово “революция”, как бы Вы объяснили, что оно означает?

– Быстрое изменение ситуации на противоположную.

(Из опросов ФОМа)